

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ, 2 ТОМ

ФИЛОСОФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Введение

Цель – знакомство с книгой английского философа Энтони Кенни «Философия средневековья».

План

1. О книге Энтони Кенни «Философия средневековья».
2. Введение в «Философию средневековья».

Ключевые слова

История западной философии, философия средневековья, патристика, схоластика, католическая философия.

Данная книга представляет собой второй том четырехтомного труда «Новая история западной философии», написанного Энтони Кенни с 2004 по 2012 годы.

Мы познакомились с сэром Энтони Джоном Патриком Кенни – английским ученым и философом, одним из самых выдающихся академиков современной Британии, в цикле лекций по первому тому его труда «Античная философия».

Второй том «Философия средневековья» состоит из 9 глав. В первой главе под названием «Философия и вера» Кенни рассматривает учение Августина, после принятия им христианства, философию Боэция, греческую философию поздней античности, философию в Каролингской империи, мусульманских и еврейских философов, Авиценну и его преемников, Ансельма Кентерберийского, Абеляра, Аверроэса и Маймонида. Во второй главе Энтони Кенни уделяет внимание схоластам от XII века до Ренессанса: Роберту Гроссетесту и Альберту Великому, святому Бонавентуре и Фоме Аквинскому, Сигеру Брабанту и Роджеру Бэкону, Дунсу Скоту и Уильяму Оккаму, оксфордским калькуляторами, Джону Уиклифу, а также возрождению платонизма и аристотелизма. С третьей по девятую главы, как и в первом томе, Энтони Кенни посвящает тематическим разделам, в которых рассматриваются различные философские вопросы с точки зрения их актуальности в эпоху средневековья. В третьей главе – вопросы логики и языка, в четвертой – гносеологические концепции, в пятой и шестой – физика и метафизика, в седьмой – разум и душа, в восьмой – этика и в девятой – Бог.

Во введении во второй том Энтони Кенни пишет о том, что большинство историй философии, в наш век специализации, являются работой коллектива авторов, специалистов различных отраслей и периодов. «Пригласив меня написать единолично историю философии от самых ранних времен по сегодняшний день, издательство Оксфордского университета выразило веру в то, что есть нечто общее, связывающее древнюю философию, философию средневековья, философию Нового времени и современную философию, что можно выразить в едином повествовании, представляя развитие философии с единой точки зрения», – говорит Кенни. Есть две разные причины, почему читатели, возможно, желают изучать историю философии. Они могут быть заинтересованы в философии, или их может интересовать история. Мы можем изучать великих философов прошлого для того, чтобы искать просветления на волнующие нас темы современных философских исследований. Или мы хотим понять людей и общества прошлого, и читать их философию, чтобы понять концептуальный климат, в котором они думали и действовали. Мы можем читать философов других эпох, чтобы помочь решить философские проблемы, которые беспокоят нас постоянно, или более полно войти в интеллектуальный мир ушедшей эпохи.

«Я по профессии философ, а не историк, но я считаю, что история философии имеет большое значение для изучения собственно философии», – отмечает Кенни. Это иллюзия считать, что нынешнее состояние философии представляет собой высшую точку философских усилий. Эти тома написаны с целью показать, что во многом философия великих мыслителей прошлого актуальна и сегодня, и что можно приобрести философское озарение посредством тщательного прочтения великих работ, которые мы имеем честь унаследовать. Кенни старается быть одновременно философским историком и историческим философом. Изложения истории философии с несколькими авторами иногда структурированы хронологически, а иногда тематически. Кенни сочетает оба подхода, используя в каждом томе сначала хронологический обзор, а затем тематическую трактовку конкретных философских тем. Читатель, чей основной

интерес является историческим, сосредоточится на хронологическом обзоре, обращаясь при необходимости к тематическим разделам для более полного освещения тем. Читатель, который больше обеспокоен философскими вопросами, будет концентрироваться скорее на тематических разделах, возвращаясь к хронологическому обследованию в контексте исследуемых вопросов.

Аудитория, на которую в первую очередь нацелены эти тома, находится на уровне второго или третьего курса бакалавриата. Однако многие из тех, кто интересуется историей философии, зачисляются не на философские курсы. Поэтому Кенни старается не усложнять знакомство с философскими методами или терминологией, а стремится писать таким образом, чтобы история философии была интересна тем, кто читает ее не для учебных целей, но для своего собственного просвещения и развлечения.

Не так давно во многих вузах проходили курсы по истории философии, которые шли прямо от Аристотеля к Декарту, перепрыгивая через позднюю древность и Средневековье. В академических кругах было распространено мнение, что средневековая философия не стоит изучения. Это убеждение не было основано на близком знакомстве с соответствующими текстами: скорее всего, оно было основано на религиозных или гуманистических предрассудках. Было, однако, много подлинных препятствий, которые сделали средневековую философию менее доступной, чем философию любого другого века. Кенни выделяет четыре важнейших барьера, которые необходимо преодолеть для вступления в схватку с мыслью философов Средних веков, это – лингвистический, профессиональный, конфессиональный и приходской.

Большая часть философии высокого Средневековья написана на латыни, которую даже те, кто хорошо обучен классической латыни, находят очень сложной для понимания. Даже Фома Аквинский представляется первоначально сложным для читателя, воспитанного на Ливии и Цицероне, хотя Аквинат является моделью простой ясности по сравнению с большинством своих коллег и преемников. Только в последние годы переводы на английский язык средневековых писателей стали широко доступны, и задача перевода не является тривиальной. Схоластическая латынь полна технических неологизмов, которые трудно передать на другие языки безгромоздких парафраз. Это правда, что многие из этих неологизмов транслитерированы, чтобы выжить в современных языках, и часто находятся в повседневном использовании (например: «интеллект» («intelligence»), «доказательства» («evidence»), «добровольный» («voluntary»), «предположение», («supposition»)). Но современное использование этих слов никогда не является точным эквивалентом схоластического использования. «Субъективный» и «объективный», например, два термина, которые поменяли свой смысл со средневековых времен.

Эта первая, лингвистическая, проблема тесно связана со второй – проблемой профессионализма. Изучение философии было более профессиональным в Средние века, чем в любое другое время до настоящего – отсюда и термин «схоластический». Большинство работ, которые дошли до нас, так или иначе, являются продуктом университетских лекций, упражнений или дебатов, и те, кто их подготовил, могли ожидать от своих слушателей или читателей знакомства со сложной терминологией и умение понять эрудированные аллюзии. Почти не было философии, написанной для широкого круга читателей. Те, кто писал или читал, были в подавляющем большинстве мужского пола, безбрачными клериками. В приложении к «Кембриджской истории философии позднего средневековья» даются краткие биографии шестидесяти шести наиболее значительных фигур средневековой мысли. Ни одна из них не является женщиной, и только двое мирянами.

Третья проблема, опять же, связана со второй. Потому что самые известные средневековые философы были представителями Католической Церкви, их философия часто рассматривается как отрасль богословия или апологетики. Это несправедливо: все они были осведомлены о различии между философскими аргументами и догматическим евангелизмом. Но это правда, так как большинство из них завершили свою академическую карьеру на факультете богословия, большая часть их лучшей философской работы фактически содержится в их богословских трудах, и требуется некоторый опыт, чтобы найти его.

Более того, многие из самых значительных мыслителей были членами религиозных орденов, которые часто были собственниками своего наследия. Были долгие периоды, когда

казалось, что только доминиканцы изучали Святого Томаса, и только францисканцы изучали Бонавентуру и Скота. (Некоторые схоласты почти не изучались, потому что они не принадлежали определенному ордену. Джон Уиклиф, например, имел в качестве своих духовных наследников только небольшой класс, состоящий из светского духовенства). После того как папа Лев XIII дал Фоме Аквинскому особый статус католического богослова, его труды стали изучать многие, не имевшие отношения к доминиканскому ордену. В области католической науки это способствовало мнению, что только Фому Аквинского стоило воспринимать всерьез как философа. Постепенный отказ от некоторых его учений в позднем Средневековье рассматривалось как ключевой фактор упадка Церкви, который привел к Реформации. Философские дебаты между Скотом и Оккамом, с этой точки зрения, были похожи на поединок между двумя людьми, стоящими на краю пропасти, в которой они оба собирались погибнуть.

Один из эффектов профессионализма и конфессионализма схоластической философии заключается в том, что, по сравнению с ранними и поздними писателями, средневековые философы появляются как достаточно анонимные фигуры. Дело не только в том, что в некоторых случаях у нас очень мало внешней информации об их жизни: это их собственные тексты придают сравнительно мало значения их собственным личностям. Это обобщение, конечно, относится только к высокому средневековью под господством схоластики. В досхоластический период мы знакомимся с философами, которые являются очень яркими личностями, такими как Августин, Абельяр, Ансельм, которым близка романтическая парадигма философа как одинокого гения.

История западной философии в Средние века должна включать в себя философов, которые не являются «западными» в любом современном смысле, потому что интеллектуальные границы средневековой Латинской Европы были, к счастью, прозрачны для влияния мусульманского мира. Влияние латинских версий философских трудов Авиценны и Аверроэса на великих схоластов были не меньше, чем работа их христианских предшественников. Соответственно, этот том содержит некоторые моменты мусульманской и еврейской философии, но только в той степени, в какой эти учения вошли в основное русло западного мышления, а не пропорционально их собственной философской ценности.

Кенни отмечает, что его собственное обучение философии началось в Григорианском университете в Риме, который в 50-х годах прошлого века все еще стремился преподавать философию по «Пути святого Фомы» (*ad mentem Sancti Thomae*) в соответствии с инструкциями глав католической церкви. «Я был благодарен двум моим профессорам, отцу Бернарду Лонергану и отцу Фредерику Коплестону за то, что они дали мне понять – гораздо важнее прочитать сочинения святого Фомы, чем популярные учебники томистов, и что святой Фома был не единственным средневековым мыслителем, заслуживающим внимательного изучения», – говорит Кенни.

После учебы в Григорианском университете он закончил аспирантуру по философии в Оксфорде во времена расцвета философии языка и нашел это много ближе к себе, чем римскую схоластику. И опять же, Кенни посчастливилось встретиться с прекрасными учителями, профессором Питером Гичем и отцом Гербертом Маккейбом, которые показали, что многие проблемы, с которыми сталкиваются философы в аналитической традиции, похожи на проблемы, изучаемые, часто с не меньшей изощренностью, средневековыми философами и логиками.

То, что средневековые тексты проясняют многие философские и теологические проблемы, впервые стало понятно в сфере логики. Средневековые логики обращались к вопросам, которые канули в лету после Возрождения, и многие из их идей пришлось заново открывать в течение двадцатого века, в период возрождения логики. Труд «Кембриджская История поздней средневековой философии» принес внимание широкой общественности и открыл новый этап в понимании средневековой философии в светском, академическом мире. Силу этого возрождения можно измерить количеством превосходных статей по средневековой философии, которые можно найти в недавней «Энциклопедии Рутледжа по философии».

В последние десятилетия XX века самым ответственным человеком за рост интереса к средневековой философии в англоязычном мире был главный редактор «Истории

Кембриджа» Норман Кретцманн. Совместно со своим коллегой редактором Яном Пинборгом, он объединил работы, проводимые в ряде стран Континентальной Европы, и представил их широкой аудитории в Соединенных Штатах и Объединенном Королевстве. Во время своего преподавания в школе Sage в Корнельском университете Кретцманн собрал вокруг себя блестящую группу молодых ученых, которыми в последние годы были опубликованы широко известные труды на многие темы средневековой философии. Как это ни парадоксально, эффектом нового интереса к средневековью было снижение интереса к Фоме Аквинскому. В «Истории Кембриджа», например, его индекс не так объемён, как индекс софистов. Кретцманн осознал этот недостаток и посвятил последние годы своей жизни написанию двух книг по трактату святого Фомы «Сумма против язычников».

Кенни пишет, что, на его взгляд, Аквинат сохраняет за собой право быть классифицированным как величайший философ позднего Средневековья. Но он является выдающимся пиком в горном массиве, который имеет несколько других блистательных вершин. Средневековая философия – это, прежде всего, континуум, и когда читаешь философа, будь то Абеляр, Аквинат или Оккам, слышишь звучание всего текущего процесса. И вскоре узнаешь, что между каждыми двумя основными пиками есть другие, незначительные, но не ничтожно малые: между Аквинатом и Скотом, например, стоит Генрих Гентский, а между Скотом и Оккамом выступает Генри Гаркли.

Историк древнего мира может прочесть, не сильно переутомляясь, весь сохранившийся корпус философского письма античности. Сопоставимый подвиг вряд ли будет под силу даже самому добросовестному историку средневековой философии. Августин, Абеляр и великие схоласты писали так много, что требуются десятилетия, чтобы освоить весь материал только одного из них. Следовательно, тот, кто берет на себя труд написать такой том, как настоящий, должен сильно зависеть от вторичных источников, даже если это только лучший способ привлечения внимания к первичным источникам. «Я признаю, – говорит Кенни, – свой собственный долг перед авторами, указанными в библиографии, начиная со своего учителя отца Коплестона (чья «История философии» до сих пор стоит наравне со многими работами в этой области), и заканчивая авторами последних монографий, написанных коллегами и учениками Нормана Кретцманна. Мой долг перед другими особенно тяжёл в области Исламской философии, поскольку я не знаю арабского языка. В ходе работы над этим томом, у меня были причины глубоко сожалеть, что я могу прочитать труды Авиценны только на латыни, его гений и его влияние я осознаю все больше и больше».

Также автор выражает признательность доктору Джону Маренбону и профессору Роберту Паснау за то, что они «сделали много полезных предложений для улучшения проекта этого тома, и которые спасли от многих ошибок», – завершает Кенни введение во второй том своего труда.

В лекциях по первому тому «Античная философия» мы сравнивали два изложения истории западной философии двух авторов Энтони Кенни и Бертрана Рассела, так как до появления фундаментального труда Кенни, история философии Рассела была одной из самых популярных в мире. Во второй книге своего труда Рассел также рассматривает философию средневековья, обозначая ее как католическую философию. Он делит ее на две части, уделяя внимание в первой – отцам церкви (представителям патристики), а во второй – схоластам. Рассел пишет, что «Средневековый мир, если его сопоставить с миром античности, характеризуется различными формами дуализма. Это был дуализм духовенства и мирян, дуализм латинского и тевтонского начал, дуализм царства божьего и царства мира сего, дуализм духа и плоти. И каждый из них воспроизведен в дуализме пап и императоров. Дуализм латинского и тевтонского начал является результатом варварских нашествий, а другие виды дуализма имеют более древние источники... Дуализм царства божьего и царства мира сего обнаруживается уже в Новом завете, но систематизирован он был лишь в сочинении святого Августина «О граде Божьем». Дуализм духа и плоти можно найти у Платона; еще большее значение ему придавали неоплатоники; важную роль он играл также в учении Св. Павла; а в христианском аскетизме IV и V столетий он занимал господствующее положение».

Рассел также не ограничивается чисто географическим западом в описании средневековой философии. Он обращается к мусульманским философам Авиценне и Аверроэсу, а также к их преемникам, так как без них западная средневековая мысль не была бы полной.

В советское время самым популярными учебниками по философии средневековья на русском языке были учебники В. В. Соколова и Г. Г. Майорова, изданные в 1979 году.

И нельзя не упомянуть интереснейшие исследования по средневековью, принадлежащие перу нидерландского историка культуры Йохана Хейзинги – это его «Осень средневековья», и итальянского философа Умберто Эко – его знаменитый роман «Имя розы».

Сложно сказать, какой из вышеперечисленных трудов наилучшим образом освещает рассматриваемую эпоху. Да и по жанру эти труды разные. Одно несомненно, труд Энтони Кенни занимает свое собственное место в ряду исследований средневековой философии, являясь одним из самых академических учебников об этом периоде.

На этом мы завершаем краткий обзор второго тома «Новой истории западной философии» Энтони Кенни «Философия средневековья». В следующих лекциях мы подробно остановимся на анализе философии Аврелия Августина и его трудов, представленных в первой главе книги.

Вопросы для закрепления темы

1. Какова структура книги Энтони Кенни «Философия средневековья»?
2. Каковы возможные причины, по которым читатели желают изучать историю философии?
3. На какую аудиторию нацелены книги Энтони Кенни по истории философии?
4. Почему в недавнем прошлом, рассматривая историю философии, от Аристотеля переходили сразу к Декарту, пропуская позднюю Античность и все Средневековье?
5. Какие четыре важнейших барьера, с точки зрения Кенни, необходимо преодолеть для вступления в схватку с мыслью философов Средних веков?
6. Как Кенни объясняет рассмотрение учений Авиценны и Аверроэса в русле западной философии?
7. О каких формах дуализма при рассмотрении средневековой философии говорит Бертран Рассел?
8. Чем отличается «Философия средневековья» Энтони Кенни от других подобных трудов?

Литература

1. Anthony Kenny. Medieval Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 2. – Oxford University Press. – 2014. – 352 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 2 том, Орта ғасыр философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 400 б.
3. Рассел Б. История западной философии. В двух книгах. Книга 1. – М.: Миф, 1993. – 512 с.
4. Соколов В. В. Средневековая философия. – М.: Высш. школа, 1979. – 448 с.
5. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии (латинская патристика). – М.: Мысль, 1979. – 433 с.
6. Хейзинга Й. Осень Средневековья. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 786 с.
7. Эко У. Имя розы. – М., 1989. – 496 с.
8. Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века. Пер. с франц. М.: Республика, 2004. – 689 с.
9. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье (1-2) / В переводе и под редакцией С. А. Мальцевой. – СПб.: «Издательство Пневма», 2003. – 688 с.